

Красавица Бадма

Налмыцкие народные сказки

Перевел
с калмыцкого
Александр
СКРИПОВ

Художник
И. И. ХАРСЕКИН

ГЕЛЮНГ-ОБОРОТЕНЬ И ЕГО РАБОТНИК

Жила-была старуха. У нее было три сына: два строптивых, да младший — добрый, отзывчивый, умный. Перед смертью позвала старуха своих сыновей и сказала:

— Я скоро умру. Живите, дети, мирно. Да глядите: не связывайтесь с гелюнгом.*

Померла старуха-мать, и братьям достались в наследство дырявая кибитка да шелудивая коза. Кое-как перезимовали они.

— Пойду, поищу себе работу, — сказал старший брат и отправился в путь-дорогу.

Идет он в ту сторону, куда ветер дует. Шел, шел, — в степи застала ночь. Прилег он на кургане, переночевал. Рано утром пошел дальше. Смотрит: сидят у дороги три старухи, сшивают треснувшую землю.

*Гелюнг — священник.

— Эй, вы!—молвил старший,—да не исполнится ваше дело!

— Не исполнится и твое намерение, парень,—ответили они.

Старший брат пошел дальше. Шел, шел—и вдруг навстречу ему идет гелюнг.

— Куда идешь, парень?—спросил тот.

— Ищу себе место. Хочу наняться в работники.

— Иди ко мне.

— Что за работа у тебя?

— Лошадей пасти, на кухне стряпать.

— Ладно, — согласился парень и пошел с гелюнгом.

Пока новый работник осматривал хозяйское подворье, гелюнг зарезал овцу и приказал:

— Затопи, парень, печь, свари мясо.

Нарубил работник дров, затопил печь, поставил варить мясо. Дело в его руках спорилось. Хотел он посолить мясо, под руками соли не оказалось. Вынул работник его из котла и ждет своего хозяина. Пришел гелюнг.

— Ну, как? Готово мясо?

— Готово.

— А ты солил его?

— Нет.

— Тогда я сейчас принесу соли, — сказал гелюнг. Вышел из кухни и превратился в рыжую собаку. Работник стоит у окна и смотрит, как во дворе дети играют. Заметил он рыжую собаку, сожравшую мясо, когда та выбегала из кухни. А тут как на грех и гелюнг появился.

— Где мясо? — спросил он у работника.

— Собака съела.

— Иди голодный пасти табун.

Подтянул работник ремень потуже, чтобы есть не хотелось, и пасет лошадей. Наступила ночь. Гелюнг обернулся волком, забежал в табун и загрыз лучшего коня. Заметил работник серого, когда он в лес побежал. За волком гнаться было поздно. Наступило утро. Пришел работник к гелюнгу.

— Беда случилась, — сказал он.

— Что за беда?

— Ночью заел серый волк лучшего коня.

— Чем расплачиваться будешь?! — закричал гелюнг и убил работника.

Ждали, ждали братья старшего брата — не дождались.

— Пойду и я поищу себе работу, — сказал средний брат и отправился на поиски заработка.

Идет он по дороге. Смотрит: сидят три старухи, сшивают треснувшую землю.

— Эй, вы! Да не исполнится ваше дело!—сказал он.

— Пусть, парень, неладным будет и твое намерение,—ответили они.

Идет средний брат дальше. Встречает гелюнга.

— Куда ты идешь, парень?—спросил гелюнг.

— Ищу себе хозяина.

— Иди ко мне лошадей пасти.

— Ладно, — согласился средний брат.

Пришли. Гелюнг зарезал овцу и приказал сварить мясо. Сварил новый работник мясо и вынул его из котла. Загляделся в окно, а собака сожрала всю баранину.

— Иди в наказание голодным пасти лошадей, — сказал хозяин.

Ночью, как и прежде, он превратился в серого

волка, проник в табун и загрыз лучшую кобылицу. Пришел утром средний брат к гелюngu и говорит:

— Беда случилась, лучшую кобылу серый заел.

— Чем расплачиваться будешь?!—закричал гелюнг и убил среднего брата.

Ждал, ждал своих братьев самый младший из них. Все сроки прошли — а их все нет. Собрался и он в путь-дорогу. Идет по степи, смотрит: у дороги сидят три старухи, сшивают треснувшую землю.

— Да исполнится ваше дело!—сказал он.

— Да будет ладно и твое намерение, — ответили три старухи.

Поблагодарил младший брат старушек и пошел дальше. Встречается по дороге гелюнг.

— Куда идешь, паре-

нек? — спросил он.

— Хочу наняться.

— Иди ко мне в работники.

— А какая у Вас работа?

— На кухне стряпать, лошадей стеречь.

— Что ж, согласен, — сказал младший брат и пошел вслед за гелюнгом.

Пришли. Гелюнг зарезал овцу, приказал ему мясо сварить. Затопил новый работник печь и, как только сварилось мясо, вынул его из котла, разложил на столе.

Заходит в кухню хозяин.

— Готово мясо?

— Готово.

— А ты его солил?

— Нет.

— Сейчас принесу соль, — сказал гелюнг и вышел. А младший брат, третий работник, положил возле себя плетъ и стоит, делает вид, будто смотрит в окошко. Вбегают в кухню рыжая собака и бросается к мясу. Работник и ну ее плетью охаживать — так, что она еле ноги свои унесла. Не успел плетъ положить — гелюнг-оборотень тут как тут. Нос перебит, глаз опух.

— Что случилось? —

спросил работник хозяина.

— Да пустяк, споткнулся о порожек.

Пообедали. Гелюнг говорит: „Иди, парень, в табун лошадей стеречь“. Наступила ночь. Лошади паслись. Заметил работник, что волк по балке к табуну крадется, с плетью в руках бросился к нему.

Волк — в степь, работник — за ним. Долго гнался. Догнал, воткнул ему в рот шапку и стал охаживать серого. Бьет и приговаривает: „Это тебе за моего старшего брата, это тебе за моего среднего братца, а это вот — от меня!“

Бил, бил, так что серый был рад-радешенек, когда из собственной шкуры выскочил. Не до нее было — тут хоть бы ноги унести.

Настало утро. Приходит работник к гелюнгу. Смотрит — он на ладан дышит.

— Чего тебе? — простонал гелюнг.

— Поймал я волка, да он без шкуры убежал, что с нею прикажете делать?

— Иди ты прочь.

Гелюнг еще что-то хотел сказать, да не успел: умер.

КРАСАВИЦА БАДМА

Жили-были старик и старуха. Была у них дочь по имени Бадма. Дома она носила женскую одежду, а когда выезжала к табунам, одевалась в мужскую.

Однажды Бадма приехала домой, поставила коня на привязь и зашла в кибитку.

— Матушка, — сказала она, — я есть хочу.

— Садись, дочка, вот борцоки* поешь, чигана** выпей да горячего чаю.

Бадма присела на кошму и стала есть. Вдруг слышит: ее конь ржет и копытом бьет в стену кибитки.

— Матушка, посмотри, что там?

Вышла старуха и увидела человека-чудовище с красным глазом на лбу.

— Дочка, это мус* идет!

Выбежала Бадма из кибитки.

— Батюшка, матушка, скорее на коня! — закричала она.

Выскочили старики из кибитки. Дочь посадила мать на левое колено, отца — на правое, дернула поводья, конь помчался в степь. Совсем было скрылась от муса, да почувствовала Бадма боль в левом боку, схватилась за него рукой и уронила отца и мать. Одноглазый подбежал к старикам, сожрал их, а за девушкой не стал гнаться.

Под вечер она возвратилась домой, переоделась в мужскую одежду и отправилась к табуну. Ночью Бадма смешала своих лошадей с ханскими и под видом мальчишка-подпаска осталась с табунщиками.

Не прошло и две сахи**, как старший табунщик стал подозревать, что его подпасок — девушка.

Он пришел к хану и сказал:

— К нам прибился какой-то человек. Я взял его подпаском. Да вот, сдается мне, не мужчина он... уж больно красив лицом.

— Поезжай на охоту с ним и приглядишься к его ухваткам, — приказал хан.

Табунщики отправились на охоту, и подпасок поехал. Целый день охотились.

Вернулись с охоты и стали спорить:

— Я убил зайца, — говорил один.

— Нет, я! — кричал другой.

Разгорелась ссора. Подпасок подъехал к спорящим, посмотрел на них, рассмеялся.

— Эх, вы, трех зайцев не поделите, — сказал он. — Чем попусту спорить, возьмите мою добычу. — И все отдал.

Табунщики увидели десять сайганов, диву дались.

*Мус — человекоподобное чудовище, обладающее огромной силой.

**Саха — дойка кобылиц.

*Борцоки — лепешки в масле.

**Чиган — квашеное молоко.

На другой день старший табунщик рассказал хану об охоте, не умолчал и о том, что его подпасок десять сайгаков привез.

Хан внимательно выслушал, на лбу морщины собрал, кольцо табачного дыма изо рта выпустил и спросил:

— А, может быть, твой подпасок все-таки девушка?

— Может быть, мой повелитель.

— Отправьтесь на речку покупаться, — приказал хан, — и присмотритесь хорошенько.

Как только вернулся старший табунщик на пастбище, созвал всех своих подпасков.

— Собирайтесь побыстрее, поедом купаться, — распорядился он. — Да позовите нового подпаска.

В знойный полдень подпаски и все младшие табунщики приехали к речке. Коней стреножили, одежду сбросали и — бултых в воду! Один подпасок не спешил. Сделал только вид, что раздевается, а сам говорит коню:

— Чудо-конь, затумань глаза табунщикам.

Конь стал так храпеть и бить копытами, что на реч-

ку пал туман. Выбежали табунщики из воды, оделись, сели на коней и айда в степь. Только табунщики слезли с коней — и подпасок тут как тут.

— Ну, а ты купался? — спросили они его.

— Купался. К вам хотел было подплыть, да туман такой, что хоть глаз коли. Звал вас, звал — никто не откликнулся. Пришлось одному ехать.

Стало вечереть. Старший табунщик во дворец к хану отправился.

— Ну, как? Узнали? — спросил его хан.

— Нет, стали купаться — туман на воду пал.

— Эх, вы! Я завтра сам узнаю.

Приехал он к табунщикам и устроил пир. Пригласили подпаска. Хан посадил его возле себя. Сам ест-

плет, а на подпаска поглядывает. Отоплет из желтой чаши и подпаску предложит. А тот не отказывается, прикоснется к ней губами, сделает вид, что пьет, а на самом деле арза* из чаши по чумбур** в пасть Чудо-коня льется. Хан и табунщики опьянели, а подпасок хоть бы что.

Когда все крепко уснули, Чудо-конь и говорит Бадме:

— Пора хану рассказать, как ты стала подпаском: не ровен час, дознается — быть беде.

И пошла Бадма во дворец. В ту пору хан лежал на подушках и курил трубку.

— Я жила с отцом и матерью, — начала она свой рассказ, — однажды к нашей кабитке подошел мус с красным глазом на лбу...

*Арза — трижды перегнанная вода.

**Чумбур — повод узды.

Бадма говорила о себе, а хан не может оторвать своих глаз от ее лица. Вечерняя звезда зажглась, и все узнали, что подпаском у табунщиков хана был не парень, а девушка, что зовут ее Бадмой, что она согласилась стать женой хана и что он прогнал своих пятьсот жен, цариц-шулм*.

Жили они год мирно и счастливо. На второй — заваруха: война началась.

Объехал хан табуны и не нашел себе резвого скакуна.

— Дай мне Чудо-коня, — сказал он жене.

Бадма отдала. Собрал хан свое войско и уехал к тому месту, где положено вести войну.

Шли годы, а конца войны не видать. Бадма родила хану одиннадцать золотогрудых и серебряноспинных сынов. Тайша** отправил гонца с донесением к хану. Об этом прослышали царицы-шулмы и решили заманить гонца. Встретили его — начали уговаривать.

— Остайся, переночуй. Поешь, отдохнешь, а утречком дальше поскачешь.

*Шулма — ведьма.

**Тайша — визирь.

Согласился гонец и завернул коня во двор. Одни царицы-шулмы подносили ему кушанья, другие — песни пели да подливали араку*. Как ни отказывался гонец, через час-два опьянел, — свалился и захрапел.

Царицы-шулмы достали у него из-за пазухи донесение к хану.

„У вашей жены, — писал тайша, — родилось одиннадцать золотогрудых и серебряноспинных сынов...“

Царицы-шулмы сожгли донесение и написали так:

„У вашей жены родилось одиннадцать черно-лысых щенков, съели они половину царства. Хан, отпиши, как быть, что делать?“

*Арака — водка.

Написали, запечатали, положили гонцу за пазуху. Оседлал гонец утром своего коня и отправился в дальний путь. Два дня скакал он по степи, на третий — прибыл к месту. Вошел он в походный шатер хана, передал донесение из рук в руки и сказал:

— У вашей жены родилось одиннадцать золотогрудых и серебряноспинных сынов.

Хан прочитал донесение и с огорчением посмотрел на гонца.

— Твоими бы устами мед пить, а донесение — печаль на сердце, — сказал он и написал ответ: „Хоть и щенята мои сыновья — пусть живут до моего приезда“.

Гонец взял грамоту хана и отправился в обратный путь. Подъехал к тому месту, где в первый раз заночевал. Царицы-шулмы встретили его, подхватили под руки, повели в дом, накормили, напоили и спать уложили. Гонец спит, а царицы-шулмы грамоту хана сожгли и так написали: „Ханшу со старшим сыном посадить в бочку и пустить в море, а остальных — сбросить с берега“.

Проснулся гонец, оседлал коня и пустился в путь. Прибыл и передал грамоту из рук в руки. Прочли во дворце и удивились.

Начался между придворными спор. Одни говорили: „Сделать, как хан повелел“, другие: „Ждать его приезда“. Спорили, спорили и порешили приказ хана исполнить...

Долго плавала бочка. Прибили волны ее к берегу. Старший сын уперся в дно бочки ногами, поднатужился, затрещала она и развалилась. Вышла мать с сыном на берег...

А в ту пору Чудо-конь не ест, не пьет и что ни день — худеет.

— Заведите его в реку! — приказал хан. — Может, ему лучше станет.

Завели Чудо-коня. Он напился воды, выскочил на

берег, ударил передним копытом о землю и умчался в степь. Гнались, гнались за ним лучшие всадники хана, но так и не смогли догнать.

Прибежал Чудо-конь к берегу моря и громко заржал. Бадма увидела его — обрадовалась.

— Убей меня, — сказал Чудо-конь, — хвост спрячь под крышей, ноги закопай в направлении четырех ветров, сама спрячься в туловище...

Не хотелось Бадме губить Чудо-коня, но знала она, что его желание должна исполнить. Бадма и старший сын сделали, как конь велел: влезли в туловище и уснули.

Проснулись в белой кибитке на коврах узорчатых. Перед кибиткой растет яблоня с одиннадцатью спелыми плодами, стоит колодец с золотым срубом. Куда ни глянут — по степи бродят табуны...

А тем временем кончилась война. С победой хан возвратился во дворец и узнал, что случилось с его детьми и женой.

Прошел год, прошел второй. Вернулись к нему царицы-шулмы. Как-то хан вызвал двух самых смелых воинов:

— Поезжайте на запад до самого берега океан-моря, — приказал он им, — и посмотрите, что там есть.

Оседлали они коней и отправились в путь. Ехали воины с утра до вечера. Приехали они к берегу океан-моря и повернули коней в царство великого хана. Едут день, едут другой. На третий — увидели белую кибитку. Подъехали к ней, поели, попили, а когда сели снова на своих коней, хозяйка кибитки спросила:

— Далеко ли вам ехать?

— К великому хану, — ответили два воина и поскакали на восток. А тем временем сын спрашивает Бадму:

— Матушка, я хочу видеть великого хана.

— Далеко и опасен, сынок, путь человека к нему.

— А я обернусь зайцем.

- Так тебя поймают собаки и разорвут.
- Матушка, а если я полечу воробышком?
- Тогда можно, лети.

Сын обернулся воробышком, сказал матери: „Чик-чирик! чик-чирик!“ и полетел.

Прилетел ко дворцу, сел на крышу и слышит:

— Где были? Что видели?—спрашивает хан воинов.
— В трех днях пути на восток, за белыми песками, мы видели белую кибитку, яблоню с одиннадцатью спелыми плодами, тьму табунов и колодец с золотым срубом. Живет в той кибитке женщина-красавица со своим сыном.

— Это диво!—воскликнул хан.— Надо поехать, посмотреть, там раньше никто не жил.

Тогда пятьсот цариц-шулм сказали:

— Это, хан, не диво.
— А что же, по-вашему, диво?
— Есть водяная девушка-красавица Улан. Вот это чудо, так чудо дивное! В полдень она выходит из воды. Полдень минет,—она садится в золотую лодку и гребет золотыми веслами.

Воробышек послушал, послушал, о чем говорили царицы-шулмы, вспорхнул и полетел домой. Прилетел—обернулся молодцем, сделал себе из золота лодку, весло и чашу. Захватил с собой араки. Пришел к берегу моря.

„Где же искать водяную девушку-красавицу?“—подумал сын Бадмы и поплыл туда, куда солнце клонится. В полдень встретился с водяной девушкой-красавицей и стал плыть с ней наперегонки к берегу. Обогнал ее на девяносто девять локтей. Ступила красавица Улан на берег, он ей и говорит:

— По нашему обычаю, кто слабее, тот первый из чаши пьет.

Водяная девушка поднесла к губам чашу, отпила глоток и закашлялась.

— Горячая твоя вода, я не буду ее пить.

— Разве ты не знаешь, какая вода бывает в полдень в море?

Выпила она чашу до дна, опьянела. Сын Бадмы взял ее на руки и понес домой.

А в это время хан думал-гадал, как же диво-дивное посмотреть, да так и не надумал. Вызвал трех воинов и приказал им:

— Поезжайте по моим землям, посмотрите, что за белыми песками делается.

Поскакали воины на быстрых конях. К вечеру на третий день у белой кибитки были. Хозяйка-красавица встретила их, накормила, напоила, стала показывать им разные диговинки. Смотрели они на все и диву давались, а как увидели красавицу Улан, чуть глаза не проглядели, до того она хороша была.

Пожили воины три дня, на четвертый отправились восвояси.

Сын Бадмы обернулся воробышком и полетел ко дворцу.

Приехали три воина, сошли с коней, и — прямоком

к хану.

— Почему вы так долго ездили? Что там видели? — спросил хан.

— Многие твои, хан, земли объездили, много дивного видели, но за белыми песками увидели то, чего нигде не сыскать. Живет в белой кибитке водяная девушка-красавица Улан. Кто на нее глянет — век не наглядится.

— Что ж, — проговорил хан, — надо поехать, посмотреть.

А пятьсот цариц-шулм тут как тут:

— Разве это диво? Если ехать, так ехать к берегу моря, где живут десять золотогрудых и серебряноспинных молодцев. В полдень они выходят из воды кушать. Их золотые чаши стоят на берегу моря и сами собой пищей вкусной наполняются.

Воробышек услышал, о чем говорят хану царицы-шулмы,

вспорхнул и полетел домой. Прилетел—обернулся молодцем, взял одиннадцать лепешек, золотую чашу и пошел к берегу моря. Шел, шел по берегу, смотрит: на песке стоят десять золотых чаш. Поставил он рядом с ними и свою чашу, на каждую положил по лепешке. Прошел час, другой. Полдень наступил, побежали к берегу волны, одна больше другой. Вышли десять молодцев на берег и начали есть. Сын Бадмы вошел в воду и стал смотреть на них.

Поели десять молодцев, увидели чашу с нетронутой пищей.

Один из них и говорит:

— Нет среди нас старшего брата. Надо его найти. Повернулись десять молодцев к воде и увидели того, кого искали.

— Иди, брат, выпей шулюн*.

Сын Бадмы взял чашу в руки и показал им лепешку.

— Вы это кушали? — спросил он.

— Кушали, — ответили молодцы.

— А вы знаете, что это?

— Не знаем.

— Это лепешки. Их напекла ваша матушка.

— Неужели у нас есть матушка? Как нам ее увидеть?

— Пойдемте со мной.

— Пойдем! — с радостью согласились они. Пришли.

— Матушка! Я разыскал своих братьев! — крикнул ей старший сын.

Мать увидела своих детей живыми и здоровыми, от радости плакала и смеялась. Стало и тесно и весело в белой кибитке.

Однажды решили братья отправиться к великому хану. Подъехали ко дворцу, старший брат спрашивает:

— Кто первый пойдет к хану?

Никто не вызвался. Думали-гадали и решили: идти

* Шулюн — мясной навар (бульон).

всем вместе.

— Великий хан! — сказали одиннадцать братьев, — просим навестить белую кибитку.

— Я давно собираюсь навестить эти места, — ответил он и тут же приказал придворным бить в большой барабан — приглашать людей белой кости, бить в малый барабан — созывать людей черной кости.

Хан и царицы-шулмы отправились в дорогу. Проехали белые пески — показалась белая кибитка. Встретили хозяева гостей, хана усадили на ширдык, остальных — по заслугам и званию.

А когда гости закусили и выпили, красавица Улан запела песню. И услышали гости песню о девушке-подпаске, ставшей царицей, о царицах-шулмах, разлучивших ее с ханом.

Песня была так печальна, что даже хан, выдавший виды, и тот слезу обронил.

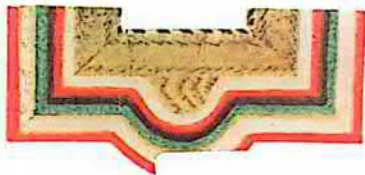
— Вы мой свекор, я ваша невестка, — сказала Улан хану. Сказала — и услышал он, как Чудо-конь заржал.

Выскочил хан из кибитки и видит: сидит на Чудо-коне Бадма, а возле нее — одиннадцать сыновей, один краше другого.

Хан от радости чуть языка не лишился.

Пришел в себя — приказал отрубить головы царицам-шулмам.

Вскоре великим ханом стал старший брат, а после него — остальные братья, каждый в свое время.

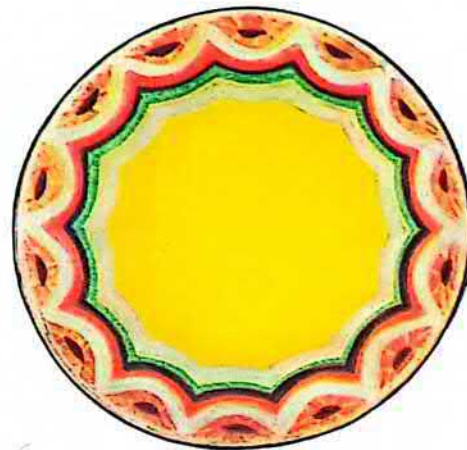

Для детей младшего школьного возраста

КРАСАВИЦА БАДМА

Калмыцкие народные сказки

Перевод с калмыцкого

Редактор В. И. Пальчиков
Худ. редакторы В. И. Мезенцев и В. П. Бессонов
Техн. редактор В. Я. Епанешникова
Корректоры М. А. Вурман, М. Л. Нантиева

Калмыцкое книжное издательство, г. Элиста, 1974 г.

Сдано в набор 18-IX-72 г. Подписано к печати 14-IX-73 г. Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 150000. Заказ 2090. Цена 29 коп.

Отпечатано на фабрике цветной печати им. Ильича Управления издательств, полиграфии и
книжной торговли, г. Ростов-на-Дону, ул. Энгельса, 18.

29 коп.

КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭЛИСТА 1974